

«Это неправда, что Любовь умерла», — написала хабаровская писательница Татьяна Гладких. Конечно, любовь жива. Но ее пытаются убить или подменить «безопасным» сексом. Жизнь меняется стремительно. Ей не до нас. Она ускоряется. Хотелось бы понять, куда движется современное искусство. Зачем? Чтобы уяснить, что с нами, людьми, происходит. В зеркале искусства отражается дух времени, и потому оно способно пророчествовать.

МОДЕРНИЗМ

К современному искусству относят модернизм, авангард, постмодернизм. Принято считать, что модернизм возник в конце XIX века во Франции с появлением художников-импрессионистов.

Импрессионисты открыли живопись на вольном воздухе и вывели художников из сумрачных помещений на яркий солнечный свет. Пришлось пересматривать понятие света и цвета и менять палитру.

Сохранились воспоминания Константина Коровина о том, как он дважды ходил на этюды с Клодом Моне.

Они устроились на берегу Сены. Коровин выдал свои любимые коричневые краски, а Моне самые яркие: желтые, синие, красные.

«Интересно, — подумал Коровин, — что он с ними будет делать?»

Когда художники вернулись в студию, то поставили рядом свои этюды, Моне похвалил работу коллеги. Но Коровин увидел, что у Моне получился сверкающий, полный воздуха летний полдень, а у него — коричнево-черная «печная заслонка».

Потом Коровин плакал тайком. Потом уничтожил свой этюд и сменил набор красок. Так родился русский импрессионизм, который жив и поныне.

Когда импрессионисты писали свои картины-этюды, то совсем не думали, что создают модернизм. Тогда и термина такого еще не было. Его придумали позже и, не спросив, записали импрессионистов в модернисты, когда многие из них уже ушли из жизни.

Что же такое модернизм? Некоторые по созвучию путают его со стилем модерн. В центре Хабаровска есть несколько красивых старых зданий, выполненных в этом стиле. Модерн любил плавные изысканные линии, в нем была скрытая нега и эротичность.

У истоков стиля модерн стоял английский график Бердслей. Влияние этого стиля испытали многие русские художники. Среди них Бакст, Сомов, Серов, Врубель.

Помните «Похищение Европы» и «Портрет Иды Рубинштейн» Валентина Серова? Вот так выглядел стиль модерн в преломлении таланта русского мастера.

Первая мировая война прихлопнула этот сладостный стиль. Бойня и чувственность плохо совместимы.

Модернизм — очень широкое художественное направление с нечетко обозначенными берегами. Начавшись с импрессионизма, он заканчивается в шестидесятых годах XX века. Кого только ни записали современные исследователи в модернисты! Здесь и Альберт Эйнштейн, и Анна Ахматова, и Михаил Булгаков, и Зигмунд Фрейд, и Дмитрий Шостакович, и Сальвадор Дали, и Нильс Бор, и Марсель Пруст, и Уильям Фолкнер... Список можно было бы продолжать до конца статьи. Но вряд ли от этого термин «модернизм» станет понятнее.

Исследователи культуры объявили, и это укоренилось, что к модернизму относятся не только символизм, акмеизм, сюрреализм и ряд других художественных направлений и отдельных мастеров, но и психоанализ, кибернетика, квантовая физика и пресловутая теософия.

Как можно разобратся в этой каше? Как можно совмещать несовместимое?

Мне даже пришла мысль, что сделано это не с целью объяснить и разобраться, а с целью напустить тумана. В тумане жрецам от науки легче строить зыбкие конструкции из слов. Но оставим это на их совести. Поговорим о модернизме как о художественном направлении.

«Словарь культуры XX века» В. Руднева дает забавную характеристику типичного модерниста. Автор считает, что модернист должен быть по преимуществу тощим, хрупкого телосложения, болезненным, порой психически неустойчивым и очень самоулубленным. Иначе говоря, модернист — типичный шизоид (не путать с шизофреником. Это крайность). Ничего оскорбительного в этом определении нет. Это тип личности.

Шизоид напоминает кастрюлю с плотно закрытой крышкой, в которой варятся мысли, идеи, образы. Человеку такого типа интереснее с самим собой, чем с другими людьми. Он легче переносит внешние невзгоды, ведь все самое важное происходит внутри, а не снаружи.

Поскольку модернисты — люди внутренне замкнутые, то в своем творчестве они стремятся выразить себя самих, а не окружающий их мир. Вспомните молодого драматурга Треплева из чеховской «Чайки». Он много говорит о новых формах, которые позволят ему выразить себя. Все остальное ему кажется неинтересным и устаревшим. Треплев — типичный модернист, увлеченный созданием собственной поэтики.

Модернизм не отражает реальность. Он ее моделирует, деформирует, искажает для достижения наибольшей выразительности. Этим он отличается от реализма. Модернизм позволил заглянуть вглубь человеческой психики. Он обнаружил там немало интересного, но многие модернисты, уйдя вглубь себя, стали одиночками, очень одиночками людьми. В этом их трагедия. Вспомним судьбу Ван Гога, Гогена, Кафки. У некоторых судьба сложилась более счастливо, но внутренняя драма характерна для многих модернистов.

Может, кто-то и не согласится, но роман «Мастер и Маргарита» — яркий пример модернистской прозы. Написан он страстно и поэтично. Герои его стали нарицательными. Многие выражения ушли в жизнь. Помните: «Рукописи не горят», «Никогда ничего не просите, сами дадут» и т. д.

Мне представляется, что «Мастер и Маргарита» — роман-мечь. Автор, «прибегнув» к помощи нечистой силы, сводит счёты со всеми, кто его обидел. Достается литературным критикам, писателям, администраторам, органам и обывателям. Мало того, автор мстит самому Богу. Он превращает Богочеловека в жалкого, грязного пророка, а евангелиста Матфея он делает полубезумным «секретарем» Иешуа, записывающим на куске старого пергамента какую-то отсебятину. «Я этого не говорил!» — утверждает булгаковский Иешуа. Конечно, не говорил, потому что ты

не Христос из Евангелия, а образ, рожденный волей М. Булгакова. Как истинный модернист, Булгаков свободно изменяет реальность, историю, Священное Писание. Так он обретает свою творческую свободу. При этом зло и добро, на мой взгляд, у него меняются местами. Модернизм делает только первый шаг. Он начинает процесс отчуждения человека от Создателя, других людей и реальности. Можно сказать, что это только цветочки. Ягодки впереди.

АВАНГАРД

Авангард — дитя Первой мировой войны. Он был реакцией на крушение идей просвещения и прогресса. Настоящие авангардисты — скандалисты. Крышка с кастрюли сорвана. Она прыгает, и из-под нее брызжет во все стороны. Внешне авангардист чаще всего — это крепкий детина, готовый к потасовке. Вспомним молодых футуристов В. Маяковского и Д. Бурлюка, дадиста М. Дюшана, сюрреалиста Л. Бунюэля. Морис Дюшан с целью вызвать скандал установил на пьедестале обыкновенный писсуар. Для выразительности добавил аквариум с плавающими экскрементами. Скандал получился. Ныне пресловутый писсуар хранится в музее и воспроизводится во всех солидных книгах по современному искусству.

У авангарда нет цели создать новые выразительные средства. Единственным зрителем авангардного произведения является сам автор. Зрители для него — объект воздействия. Автор любит, наслаждается реакцией публики. Поэтому авангардное произведение, вырванное из живой атмосферы вернисажа и помещенное в музей, сразу становится мертвым. Ничего, кроме скуки и недоумения, оно не может вызвать. В музеях не принято возмущаться и тыкать зонтиком. Вот бедный зритель и стоит перед знаменитым писсуаром или «квадратом» Малевича и мучается. А недобросовестные искусствоведы, показывая на нехитрое сантехническое устройство, говорят:

— Да, да. Это сложно. Это очень сложно! Вы просто не доросли до понимания.

И плетут словесные кружева, чтобы вконец запутать публику. Зачем? Работа у них такая.

Но вот авторитетное мнение русского филолога Максима Шапира: «Непонимание, полное или частичное, входит в замысел авангардиста». Иначе говоря, понимание не предусмотрено автором. Поэтому начинайте кричать и возмущаться при встрече с авангардным произведением, если вам хочется. Автор будет очень доволен.

Наш благопристойный Хабаровск не любит скандалов, и поэтому с авангардом у нас не очень. Но лет десять назад нам «повезло». Появился авангардист. Вполне традиционный. Звали его Нуриман. Забавный мужик.

На выставку в Белом театре он принес стенд с наклеенными фотографиями гениталий своей жены и своих собственных. Повесил и ходил гордый-гордый от собственной крутизны. Но публика реагировала вяло.

Выставка закрылась. Работы сняли. Приходят две молоденькие симпатичные девицы: «Можно посмотреть работы Нуримана? Нам сказали, что они самые интересные на выставке». — «Кто сказал?». — «Нуриман сказал». — «Смотрите, вон они, в углу...» Через несколько секунд девицы уже бежали из зала красные, как свекла.

Вывод. Чтобы авангард действовал, нужна культура, нравственность, хотя бы наивность, которые можно оскорбить. Иначе эпатаж просто не будет работать.

Теперешний авангард утратил былую воинственность. Он стал похож на клоуна, десятилетиями повторяющего одни и те же трюки, которые всем надоели. Дело даже хуже! Цирк полон такими клоунами, а публики — раз-два и обчелся, но представление продолжается, и оно будет идти. Будут издаваться глянецовые журналы, писаться статьи, проводиться фестивали и выставки. Все это продолжится до тех пор, пока в это будут вкладывать деньги. И деньги немалые. Выглядит очень солидно и rispetабельно, но за всем этим стоит ложь.

Ложь заключается в том, что авангард является наследником и продолжателем искусства прошлых эпох. Он не создал своей поэтики и цели такой не ставил. Его цель — голое воздействие. Поэтому подавать под одной обложкой Рембрандта и Дюшана можно только с целью уравнивать в сознании людей высокое и низкое. И мне подумалось: не ради ли этого идет представление? Не в этом ли конечная цель его устроителей?

Грань между авангардом и модернизмом не всегда понятна. Порой сами исследователи сомневаются. Куда, например, «записать» «обэриутов» или позднего Малевича?

Дело в том, что искусство, судьба авторов не вмещаются в схемы и догмы. Главное — творческая личность. Она, а не принадлежность к тому или иному направлению, определяет ценность произведения. И среди авангардистов есть истинные таланты.

Авангардисты, объявив людей объектом воздействия, косвенно признали, что не любят их. Любовь начинается с того, что в другом ты видишь живого, близкого человека. Этого авангардист допустить не может, потому что тут же перестанет быть авангардистом.

ПОСТМОДЕРНИЗМ

«Пост» — значит после. Модернизм умер. О времени его смерти существуют разные мнения. Некоторые исследователи даже считают, что умирание началось с рождения, и того же Булгакова записывают в постмодернисты. Другие с ними не согласны.

О чем говорят эти споры? О том, что определение культурных явлений очень субъективно. Может, и постмодернизма никакого нет, а существует только множество книг, написанных о нем? Во всяком случае, эта моя мысль очень «постмодернистична».

Дело в том, что постмодернизм утверждает: нет ничего, кроме текста. В глобальном понимании, конечно. Нет истории, нет реальности, нет истины. Постмодернист не только отрицает существование других людей, он сомневается в своем собственном существовании. О какой любви тут можно говорить? Мир постмодернизма похож на калейдоскоп с множеством истин и реальностей. Верти его, как хочешь. От этого ничего, по сути, не меняется, просто одно сменяет другое.

«Все уже написано, сочинено, нарисовано», — утверждают постмодернисты. А раз так, остается только цитировать. Творчество постмодерниста всегда вторично. Оно похоже на набор фрагментов-цитат.

Кстати, приглядитесь ко многим новым хабаровским домам. Вот вам живой пример постмодернистской архитектуры.

И еще одна особенность. Постмодернизм породил «черный» юмор. Ирония и насмешка над всем и вся — его отличительная черта. Нет ничего высокого и святого. Так что, если вы смотрите комедию, полную убийств и всяких кошмаров, знайте — это постмодернизм. Как-то один известный американский художник-постмодернист выставил на вернисаже лопату. Но это уже не было авангардистским актом. Это было цитатой. При этом он заявил, что художником может быть каждый, только он за это деньги получает, поскольку имеет имя, «а вы — нет».

У постмодернизма есть одна особенность: он силен и всемогущ, когда заполняет духовный вакуум. У нас есть надежда, что, проиграв «холодную» войну, мы сможем выстоять в войне духовной.

Почему есть надежда? Потому что постмодернизм силен и слаб одновременно. Перед духовным человеком, любящим реальную жизнь, любящим Родину, любящим своих детей, он бессилен. Потому что лучшие картины и книги еще не написаны. Потому что Любовь не умерла. Потому что нелегкие внешние условия жизни, как ни странно это звучит, — лучшее время для духовного возрождения.

НЕСКОЛЬКО НЕСВЯЗАННЫХ МЫСЛЕЙ НА ТЕМУ

Современное искусство отражает внутренний мир людей. Гневаться на него так же глупо, как на плохой анализ крови.

Не так давно московские авангардисты демонстративно порубили топорами иконы и устроили антихристианскую выставку «Осторожно, религия!» в центре им Сахарова. Что в этом оригинального? В России такие дела творились несколько десятилетий. Удивительно то, что акции эти вызвали большие скандалы с протестами, ответными акциями и судами. Значит, возрождаются не только храмы?

Постмодернистский анекдот. Студент прочитал «Гамлета»: — Ну и что? Сборник знакомых цитат. Я и так их все знаю.

В новостях сообщили, что в Америке выпущен и тут же разошелся полутора-миллионный тираж романа Льва Толстого «Анна Каренина». И это происходит на фоне потери интереса читателей к современной литературе.

Современное искусство призвано и может дарить радость, может возвышать душу. Может, но не делает этого. Оно занято совсем другими вещами. Поэтому актуальны Чехов, Толстой, Достоевский. Они говорят о важном. А современное искусство «левого толка» современно только по времени создания.

Раньше родители радовались: «Ребенок читает». Теперь, прежде чем радоваться, надо посмотреть, что он читает.

Столкновение добра и зла — интрига жизни. Идет духовная война. На войне есть свои. Есть враги. Есть предатели. А есть ли в духовной войне гражданское население?

Человек создан со свободной волей. Но почему нам этой воли не хватает, чтобы справиться с собственными страстями и пороками? Потому что мы всерьез не хотим этого.

Что толку сетовать? Спасает работа.

Ничего плохого в форматворчестве, в абстрактном искусстве нет. Как нет ничего плохого в дизайне. Это явления одного порядка.

Плохо, когда из творчества уходит душа.

